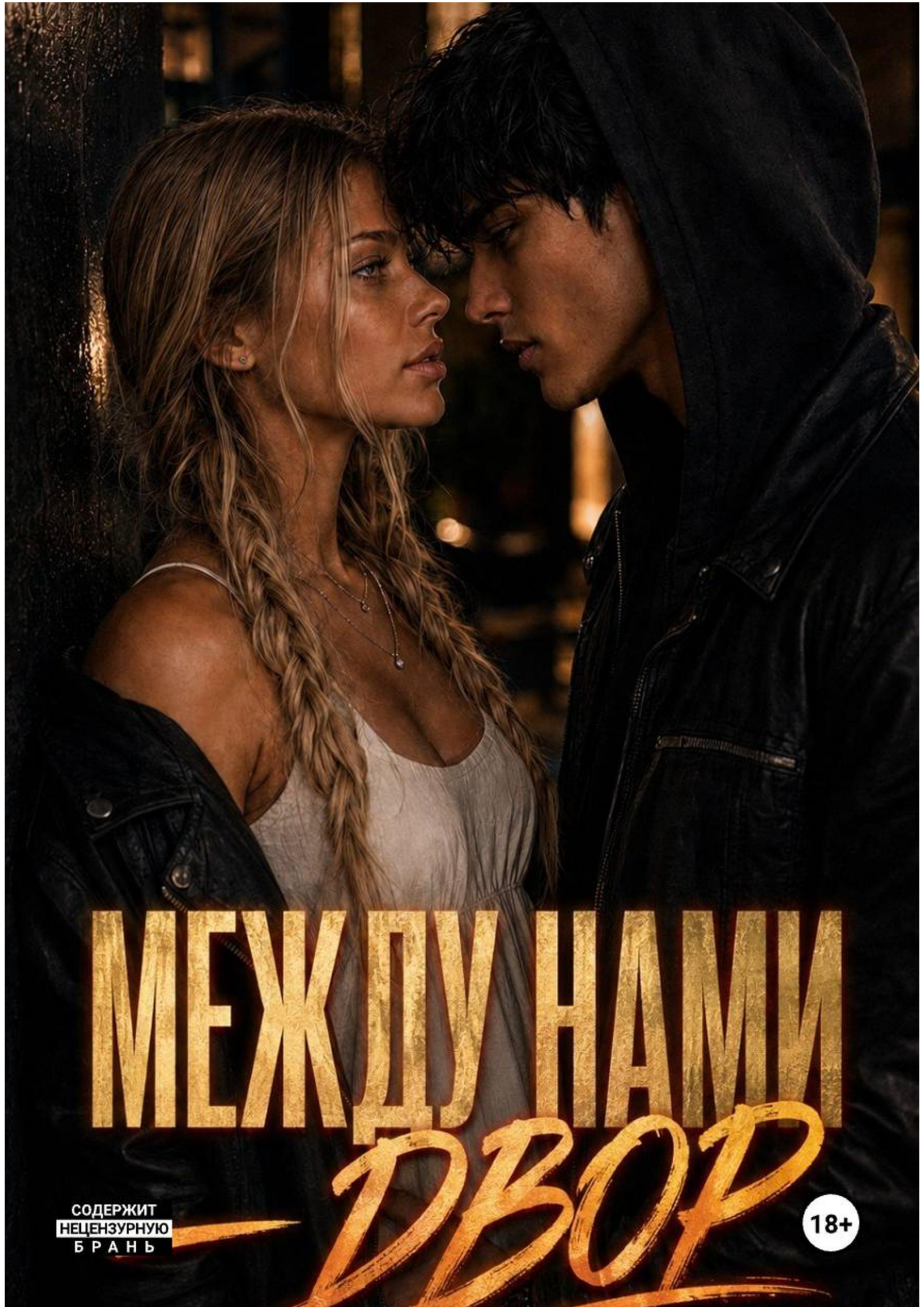

МЕЖДУ НАМИ
ДВОР
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

МАКСИМИЯ Максимия

Между нами - Двор

«Автор»
2026

Максимия М.

Между нами - Двор / М. Максимия — «Автор», 2026

Мира:Мы выросли в одном дворе. Когда-то он был для меня целым миром, а теперь мы делаем вид, что стали чужими. Я научилась улыбаться, когда больно, и говорить, что мне всё равно. Но одна песня изменила всёМарк:Я пытался её забыть, убеждал себя, что между нами ничего нет. Но сколько бы ни уходил, всегда возвращался. Ненавижу себя за эту слабость, но снова стою у знакомых ворот.Между нами — двор. И он снова зовёт

© Максимия М., 2026
© Автор, 2026

МАКСИМИЯ Максимия
Между нами - Двор

Пролог.

Мира

Дождь оказался почти подарком. Он хлестал по лицу, затекал за ворот кожаной куртки и без всякого сочувствия смывал слёзы, которые я уже не пыталась сдерживать. Если кто-нибудь сейчас выглянет из окна, то решит, что я просто промокла до нитки. Для нашего двора объяснение вполне убедительное. Здесь привыкли обсуждать чужие машины, чужие ремонты и чужих детей, но слёзы под ливнем даже тёте Любе было бы трудно разглядеть с третьего этажа.

Я сидела на качелях, вцепившись в холодные цепи, и смотрела, как капли разбивают отражение фонаря в луже у моих ботинок. Короткий белый сарафан лип к коленям, тяжёлая мокрая куртка тянула плечи вниз. Ноги давно замёрзли, но возвращаться домой я не собиралась. За дверью квартиры придётся встретиться с Ярой, а сестра слишком хорошо знала меня, чтобы поверить в историю про дождь, внезапную прогулку и совершенно прекрасное настроение.

Утром я наверняка подвела бы глаза, добавила побольше хайлайтера и, встретившись с Ярой за завтраком, невозмутимо попросила передать сахар. Сестра могла бы сколько угодно разглядывать моё лицо: я научилась улыбаться именно тогда, когда меньше всего хотелось. Не самый достойный талант, зато безотказный.

Обычно он помогал и с Марком.

«Опять ты, Мажор? Неужели во всём городе больше некому портить жизнь?» — бросила бы я при встрече, даже не замедлив шага. Он непременно ответил бы чем-нибудь не менее приятным. Мы обменялись бы колкостями, разошлись по своим подъездам и до следующего раза притворялись, что нам совершенно всё равно.

Только следующего раза теперь могло не быть.

Я подняла взгляд к окнам квартиры его бабушки. Они темнели на противоположной стороне двора, и от этого знакомое здание казалось чужим. В детстве я могла определить, дома ли Марк, ещё до того, как видела его самого: достаточно было заметить свет в одном из окон. Позже к этому прибавился чёрный BMW у бордюра. Я научилась находить машину одним взглядом и всякий раз убеждала себя, что просто замечаю слишком яркие предметы во дворе.

Убедительная версия. Почти как мои слёзы от дождя.

Теперь Романов собирался уехать. Не исчезнуть после ссоры на неделю, не пропасть с радаров, чтобы потом бесцеремонно объявиться возле моего подъезда, а действительно оставить двор позади. Он сам сказал, что устал. Сказал, что больше не хочет возвращаться и вмешиваться в мою жизнь. И я, конечно, ответила именно то, чего от меня следовало ожидать.

Что это прекрасно.

Что наконец-то смогу дышать спокойно.

Что его место у бордюра давно пора отдать нормальным людям с нормальными машинами.

Я до боли стиснула цепь. Хорошо, что металлические звенья не умели пересказывать разговоры: сегодня они услышали бы обо мне много нелестного.

— Мирослава, ты конченая дура, — пробормотала я себе под нос.

— Удивительно, но впервые за долгое время я с тобой полностью согласен — Голос Марка прозвучал за спиной негромко, с привычной насмешкой, но я услышала в нём усталость, которой раньше старалась не замечать.

Голос раздался за спиной так неожиданно, что я резко обернулась, заставив качели жалобно звякнуть. Марк стоял в нескольких шагах и смотрел на меня из-под мокрых прядей волос. Он не прятался от дождя и не спешил под крышу ближайшего подъезда. Чёрная толстовка промокла под расстёгнутой кожаной курткой, джинсы потемнели, дорогие кроссовки

были в грязи. На запястье по-прежнему поблёскивали часы, о цене которых я предпочитала не задумываться.

При других обстоятельствах я обязательно поинтересовалась бы, не заболело ли его мажорское сердце от такого обращения с брендовыми вещами. Но, подняв глаза к его лицу, увидела разбитую нижнюю губу. А когда он машинально спрятал правую руку в карман, успела заметить сбитые костяшки.

Я невольно подалась вперёд.

— Романов, что у тебя с лицом? — Слова вырвались раньше, чем я успела придать им привычную насмешливость. — И руку покажи. Ты опять с кем-то подрался?

Марк медленно посмотрел на свои пальцы, словно до моего вопроса не вспоминал о них. Потом перевёл взгляд на меня и коротко, без всякого веселья усмехнулся.

— Блядь, Мирослава, ты сейчас серьёзно? — Он покосился на мои мокрые руки и сжал челюсть так, что на разбитой губе снова выступила кровь.

Я хотела огрызнуться, но не смогла. Он выглядел не просто злым. Уставшим до такой степени, что его раздражение казалось последним, за что он ещё держался.

— А что мне следовало спросить? — Я попыталась улыбнуться, не отрывая взгляда от крови на его губе. — Как тебе погода? По-моему, идеальный вечер, чтобы угробить дорогие кроссовки.

Он поднял голову к небу. Дождь тут же ударил ему в лицо, но Романов даже не поморщился.

— Великолепная погода, Мелкая. Особенно для того, чтобы сидеть посреди двора и изображать утопленницу — Он окинул взглядом качели, будто пытался решить, что раздражает его сильнее: моя упрямость или холод, от которого я уже едва чувствовала пальцы.

— Рада, что наши вкусы наконец совпали. Ещё немного, и мы научимся разговаривать без оскорблений — Я попыталась усмехнуться, хотя зубы предательски стучали и вся моя бравада держалась исключительно на упрямстве.

— До этого счастливого дня я вряд ли доживу — Марк отвернулся к тёмному подъезду, и на этот раз его ответ прозвучал без обычного победного веселья.

Обычно в этот момент он улыбнулся бы одним уголком рта, давая понять, что выиграл очередной раунд. Сейчас Марк лишь провёл языком по разбитой губе, тут же поморщился и отвёл глаза. Я осторожно отпустила одну цепь, собираясь подняться, но так и осталась на месте. Между нами было всего несколько шагов; преодолеть их почему-то казалось труднее, чем весь путь домой.

— Зачем ты пришёл? — спросила я, обхватив себя за плечи. Вопрос прозвучал строже, чем я собиралась.

Он посмотрел на мои руки, на промокшее платье, на воду, стекавшую по ботинкам, и только после этого ответил:

— Тебя искал — Марк произнёс это просто, опустив взгляд к моему промокшему сарафану, и мне вдруг стало труднее изображать безразличие.

От этих двух слов внутри всё неприятно сжалось. Хотелось спросить, долго ли он искал. Волновался ли. Почему после случившегося вообще решил вернуться за мной. Вместо этого я привычно изобразила скучающее выражение лица.

— Какая честь. Надеюсь, счёт за потраченное время не выставишь? У меня сегодня с собой только ключи и совершенно бесполезное чувство собственного достоинства.

Марк не улыбнулся. Он опустил глаза к моим пальцам, вцепившимся в рукава куртки, и устало выдохнул.

— Прекрати, Мирослава — Он произнёс моё имя так тихо, что раздражение в его голосе оказалось страшнее любого крика.

— Что именно? — Я вскинула подбородок. — Тебя не устраивает мой внешний вид, чувство юмора или сам факт моего существования?

Он подошёл ближе, и мне пришлось поднять голову, чтобы не потерять его взгляд.

— Мне не нравится, что ты сидишь здесь под дождём и плачешь, а потом делаешь вид, будто всё происходящее тебя совершенно не касается.

Я разжала пальцы. На запястьях остались красные следы от пальцев, которыми я стискивала рукава.

— Я не плачу. Просто вышла прогуляться — Я выпрямилась на качелях, надеясь, что дождь скроет не только слёзы, но и дрожь в голосе.

Марк опустил взгляд на мои промокшие колени, и я почти услышала, как он мысленно подбирает ответ.

— Под ливнем? В этом платье? — Марк приподнял брови, но тревога в его взгляде не исчезла, и от этого захотелось огрызнуться ещё сильнее.

— Прости, не знала, что теперь должна согласовывать с тобой гардероб. — Я расправила мокрый подол, хотя от этого стало только холоднее. — В следующий раз пришлю фотографии на утверждение.

Он качнул головой, будто ожидал именно такого ответа, но не собирался уступать.

— После всего, что сегодня произошло, ты просто ушла. Не дала мне даже договорить — Марк сделал шаг назад и провёл ладонью по мокрым волосам, с явным усилием удерживая раздражение.

Я опустила взгляд к его руке. Вода стекала по сбитым костяшкам и исчезала в складках джинсов. Если бы я спросила ещё раз, он, возможно, рассказал бы, с кем подрался. Если бы он ответил, мне пришлось бы признать, что это важно. Поэтому я снова вцепилась в единственное, что у меня хорошо получалось, — в спор.

— Никто не сбегал, Романов. Я ушла, потому что не видела смысла оставаться — Я отвела взгляд к луже под ногами, потому что смотреть ему в лицо после этой лжи оказалось неожиданно трудно.

— Не видела смысла? — Марк наклонился, словно хотел убедиться, что правильно расслышал. — После того, что ты сделала сегодня, предлагаешь просто всё забыть?

При воспоминании о вечере меня обдало жаром, несмотря на холод. Я крепче прижала локти к бокам.

— А что ты предлагаешь? Усесться друг напротив друга и разобрать каждую минуту? Нашему двору не хватит терпения выслушивать этот разговор.

— Мне плевать на твои шутки. Я хочу понять, что это было — Он сжал повреждённую руку в кулак и тут же разжал пальцы, поморщившись от боли.

Там, где обычно появлялось раздражение, сейчас звучала просьба. Марк, похоже, и сам её ненавидел. Он выпрямился, будто пожалел о собственной откровенности, и сцепил руки перед собой. Пальцы на правой руке слушались его неохотно.

— Ты специально так разговариваешь? — спросила я тише.

Он нахмурился.

— Как? — Марк нахмурился, и между его бровями пролегла складка, которую я слишком хорошо знала.

— Будто мы можем что-то выяснить одним разговором. Будто достаточно правильно подобрать слова — и всё, что между нами случилось, перестанет иметь значение.

На этот раз он не перебил. Дождь барабанил по жестяному козырьку соседнего подъезда; где-то наверху с хлопком закрылась форточка.

— А разве мы хотя бы не можем попробовать? — наконец спросил Марк.

Я отвела взгляд первой. Отвечать честно означало бы признаться, что я ждала этой попытки слишком долго. И именно сегодня, когда всё, кажется, уже закончилось, боялась её больше всего.

— Поздновато для разговоров по душам, Мажор — Я сцепила руки на груди, чувствуя, как за привычной колкостью прячется почти паническое желание остановить его.

Он молча кивнул, а потом с осторожностью коснулся губы. На кончике пальца осталась кровь. Мне захотелось вскочить, заставить его пойти домой, найти аптечку, обработать ссадины. Но за этим последовал бы вопрос, на который я не умела отвечать: почему мне не всё равно?

— Если ты о сегодняшнем вечере, — продолжила я, пока он не успел снова заговорить, — нам нечего обсуждать.

— Ты ведь сама знаешь, что это неправда — Марк посмотрел на меня с такой прямой, незащищённой серьёзностью, что мне захотелось немедленно придумать новую шутку.

— Знаю только то, что мы снова наговорили друг другу достаточно, чтобы не начинать второй раунд — Я заставила себя пожать плечами, словно этот разговор был всего лишь очередной бесполезной перепалкой.

— Ты вышла туда и сделала то, чего я от тебя вообще не ожидал. А потом ушла, даже не объяснив почему — Он говорил всё тише, однако каждое слово словно приближало нас к тому, о чём мы оба годами молчали.

Я машинально провела ладонью по мокрым волосам, убирая их с лица. Не было смысла притворяться, что я не понимаю, о чём речь. Но произнести вслух хоть что-нибудь настоящее мне всё равно не хватало смелости.

— Значит, придётся тебе привыкнуть к тому, что я способна удивлять, — ответила я.

— Господи, Мирослава. Иногда мне кажется, что ты издеваешься надо мной просто потому, что можешь — Он устало усмехнулся и отвёл глаза, будто надеялся, что так сумеет удержать остатки самообладания.

Он произнёс это сердито, почти привычно, и я на мгновение почувствовала облегчение. Вот такого Марка я понимала. Ему можно было возражать, его можно было дразнить, а если становилось невыносимо — уйти, хлопнув дверью. С человеком, который смотрел на меня сейчас, этих нехитрых правил уже не хватало.

— Не льсти себе, Мажор. Для развлечения я предпочитаю занятия поинтереснее — Я повела плечом с нарочитой лёгкостью, хотя от его интонации болезненно сжалось сердце.

Марк опустил голову, словно прятал выражение лица, и неожиданно спросил:

— Ты правда думаешь, что мне всё равно? — Марк вдруг перестал смотреть в сторону и поймал мой взгляд, не оставляя мне возможности спрятаться за очередной насмешкой.

Мой ответ застрял в горле. Я перестала раскачивать качели ногой. Этот вопрос я задавала себе столько раз, что научилась бояться даже возможного ответа.

— А мне какое дело, что ты думаешь? — выговорила я, упорно глядя на ворот его куртки.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд, потом перевёл взгляд на тёмные окна бабушкиной квартиры.

— Никакого, наверное — Его взгляд потускнел, и я почти физически почувствовала, как между нами снова вырастает привычная стена.

Могла бы возразить. Сказать, что он ошибается, что всё это время я замечала каждое его исчезновение, каждое возвращение и каждый случайный взгляд. Но мне вдруг стало страшно, что Марк поверит. И ещё страшнее — что не поверит вовсе.

Я соскользнула с качелей. Подошвы ботинок неприятно чавкнули в мокром песке. Теперь мы стояли почти на одном уровне, и разговор больше нельзя было прятать за железными цепями.

— Тогда не понимаю, зачем мы продолжаем, — сказала я. — Ты сам всё решил. Я не собираюсь тебя переубеждать.

— Что именно я решил? — Марк резко повернул голову ко мне; в его лице мелькнуло настоящее недоумение.

Я уставилась на него.

— Ты сейчас серьёзно? Романов, несколько часов назад ты сказал, что больше не будешь возвращаться в этот двор. Что перестанешь парковаться у моего подъезда, заглядывать в мои окна и вмешиваться в мою жизнь. Ты сказал, что устал и собираешься двигаться дальше. Мне повторить остальное дословно?

Его лицо стало непроницаемым. Только пальцы правой руки снова сжались, и я заметила, как это движение далось ему с трудом.

— Я прекрасно помню, что сказал — Он ответил сдержанно, но пальцы повреждённой руки вновь напряглись.

— Тогда хотя бы здесь у нас нет разногласий — Я попыталась улыбнуться, однако улыбка вышла неприятной даже для меня самой.

Марк шагнул в сторону, давая мне пройти, но я не двинулась с места. Дождь затекал за воротник, по спине бежала холодная вода, а мы продолжали стоять друг напротив друга, словно любой из нас всё ещё мог что-то исправить.

— И тебя действительно всё устраивает? — спросил он.

Разумеется, я должна была немедленно ответить «да». Ведь я сама сколько раз требовала, чтобы Романов оставил меня в покое. Без его машины под окнами, без ночных сообщений и внезапных встреч мне наверняка станет легче. Можно будет наконец прожить целый день, не пытаясь угадать, дома ли он, по свету в окне напротив.

Представить такую жизнь получалось. Захотеть её — нет.

— А почему меня это должно не устраивать? — Я пожала плечами и постаралась улыбнуться. — Ты ведь сам говорил, что каждому из нас пора заняться собой.

Марк посмотрел на меня так устало, что я почти пожалела о сказанном.

— Потому что ты плачешь, Мирослава — Марк посмотрел на мои щёки и коротко выдохнул, не скрывая больше беспокойства.

Я отвернулась, быстро стирая воду со щеки.

— Вообще-то идёт дождь. Если не заметил — Я смахнула воду со скулы и демонстративно подняла лицо к небу.

— Заметил. И прекрасно вижу разницу — Он покачал головой, и эта тихая уверенность раздражала сильнее привычных издёвок.

— Отлично. Теперь у нас ещё и бесплатная психологическая консультация — Я вскинула брови, цепляясь за последнюю возможность превратить больной разговор в безобидную перепалку.

— Мне не нужно быть психологом, чтобы понимать, когда тебе плохо — Марк говорил ровно, но в его голосе слышалось столько подавленной злости и тревоги, что я невольно замолчала.

— А мне не нужна нянька, которая будет указывать, что я должна чувствовать! — Я повысила голос и тут же пожалела об этом: Марк вздрогнул не от громкости, а от самих слов.

Он резко провёл ладонью по волосам и тут же поморщился, задев костяшками собственный висок.

— Да я и не пытаюсь тебе ничего указывать! — Голос Марка впервые за вечер сорвался. — Я, блядь, просто хочу понять, почему мы каждый раз превращаем разговор в войну, когда можно хоть однажды нормально поговорить!

С последних слов с него будто слетела привычная сдержанность. Марк тяжело дышал, не сводя с меня глаз. Он всегда умел оставаться холодным с посторонними — на людях, рядом

с друзьями, в разговорах, где другие давно повысили бы голос. А со мной неизменно доходил до состояния, в котором каждая фраза ранила нас обоих.

Я обхватила себя руками. Не отступила, хотя очень хотелось спрятаться за дверью подъезда.

— А ты не думал, почему я не хочу разговаривать? — Я посмотрела ему в глаза, отчаянно надеясь, что он сам догадается не продолжать.

— Вот именно это и пытаюсь выяснить — Он ответил без усмешки и беспомощно развёл руками, словно мы оба заблудились в разговоре, который когда-то умели вести иначе.

Он произнёс ответ уже тише. От этого он прозвучал почти беззащитно, и я снова почувствовала, что теряю привычную опору.

— Тогда зря тратишь время, — сказала я. — Мы оба всё решили. После ещё одного разговора ничего не изменится.

— Откуда ты знаешь? — Марк чуть подался ко мне, и я поспешно опустила взгляд, чтобы не показать, как сильно меня пугает его надежда.

Потому что мы уже пытались. Десятки раз подбирались к чему-то настоящему, а потом кто-нибудь произносил лишнее слово, и всё начиналось заново. Потому что в пятнадцать я однажды сказала ему такую жестокую глупость, что и сейчас не представляла, как от неё отказаться, не открыв ему всю правду о себе. Потому что каждый раз, когда Марк подходил слишком близко, я первой надевала привычную улыбку, чтобы он не успел заметить, как сильно мне нужен.

— Просто знаю, Романов. Давай закончим — Я произнесла это почти шёпотом и всё равно увидела, как напряглись его плечи.

Он внимательно смотрел на меня, не торопясь отвечать. С капюшона его куртки стекала вода, на щеке темнела ссадина. Я никак не могла перестать замечать эти мелочи, хотя была готова сделать всё, чтобы он не догадался почему.

— Ты опять врёшь, — наконец сказал он.

Я вскинула голову.

— А ты, конечно, знаешь меня лучше, чем я сама? — Я резко подняла подбородок, хотя внутри уже не осталось прежней уверенности.

— Нет. — Он произнёс это неожиданно спокойно. — В том-то и проблема. Я, кажется, вообще перестал понимать, что у тебя в голове.

Мне захотелось спросить, пытался ли он когда-нибудь понять. Но вопрос был бы нечестным: за все эти годы я сама сделала всё возможное, чтобы он не догадался о моих чувствах. Признавать свою часть вины перед ним я не собиралась. По крайней мере, не сегодня.

Марк помолчал, затем отступил на шаг. Между нами сразу стало холоднее.

— Знаешь что, Мирослава? Давай действительно закончим. Сегодня мы всё равно ни до чего не договоримся — Марк медленно кивнул, будто соглашался не столько со мной, сколько с собственным решением перестать спорить.

Я заставила себя пожать плечами.

— Впервые за вечер предлагаешь что-то разумное — Я заставила себя улыбнуться; он не ответил ни взглядом, ни привычной колкостью.

Он кивнул. Я ждала ответной колкости, раздражённого взгляда, знакомого «Мелкая», после которого можно было бы вздохнуть с облегчением и сделать вид, что ничего страшного не произошло. Но Романов лишь задержал на мне взгляд.

— Хорошо. Тогда больше не буду тебе мешать — Марк произнёс это с пугающим спокойствием и отступил, оставляя между нами место для слов, которых я так и не нашла.

Он развернулся.

В детстве мы часто спорили, кто первым уступит на качелях место другому. Побеждал обычно Марк: он умел ждать дольше, а я ненавидела проигрывать. Сейчас мне вдруг захоте-

лось, чтобы он снова оказался упрямее меня. Чтобы не уходил, разозлился, сказал что-нибудь невыносимое и заставил ответить. Всё было бы лучше этой спокойной окончательности.

Но он шёл к машине, не оглядываясь.

Раньше Марк тоже исчезал после ссор. Иногда на неделю, иногда на две, а однажды уже следующим утром я увидела его BMW возле бордюра и едва не рассмеялась от облегчения. Никогда не спрашивала, зачем он вернулся; он никогда не объяснял. Мне хватало знакомого звука двигателя под окном.

Сегодня всё было иначе. Он говорил об отъезде не как о наказании для меня, а как о решении, которое наконец принял. От этой мысли даже злиться становилось трудно.

Марк остановился возле водительской двери. Я сделала полшага вслед и тут же замерла. Чтобы удержать его, достаточно было произнести одно слово. Не колкость, не обвинение и не очередную глупую шутку. Просто попросить остаться.

Только как это сделать, если шесть лет подряд убеждала нас обоих, что его присутствие мне мешает?

Я прекрасно умела выводить Романова из себя. Могла назвать его самовлюблённым идиотом, поспорить до хрипоты, отправить среди ночи сообщение под самым нелепым предлогом. Могла смотреть прямо в его голубые глаза и не отступать, пока он первым не отворачивался. Но сейчас все эти умения оказались бесполезными.

Марк открыл дверь, на мгновение задержался и словно чего-то подождал. Я задержала дыхание.

Пожалуйста, обернись.

Скажи, что я сошла с ума, сидя под дождём. Назови Мелкой. Прикажи идти домой, пока окончательно не замёрзла. Я обязательно огрызнусь — хотя бы для приличия. А потом, возможно, смогу придумать что-нибудь ещё.

Он не обернулся.

Дверь захлопнулась. В дождевой пелене вспыхнули фары, осветив пустую дорожку между качелями и подъездом. Я постояла ещё немного, пока холод не стал совсем нестерпимым, затем подняла с земли сумочку и направилась домой.

Возле домофона непослушные пальцы никак не могли попасть ключом в считыватель. Я выругалась, вытерла руку о куртку и только со второй попытки услышала знакомый писк. Потянула дверь на себя, но вдруг заметила, что двигатель BMW всё ещё работает.

Марк никуда не уехал.

Я застыла с ладонью на холодной металлической ручке. До машины было всего несколько десятков шагов. Если обернусь, увижу его за рулём — и, может быть, он увидит меня. Тогда я непременно подойду к окну и поинтересуюсь, что он тут забыл. Он, конечно, ответит что-нибудь невыносимое. На несколько минут мы снова станем собой, и мне покажется, что самое страшное миновало.

А потом он всё равно уедет. Я зажмурилась.

— Ну же, Романов. Езжай, — прошептала я.

Мотор продолжал ровно гудеть. Мне ужасно захотелось посмотреть назад, но я крепче сжала ручку подъезда.

— Какого чёрта ты не можешь просто уехать, Мажор? — Я прикусила губу и крепче сжала ручку двери, потому что любой взгляд назад мог разрушить мою последнюю попытку выглядеть сильной.

Слова утонули в шуме дождя. Он вряд ли мог их услышать, и всё же я прикусила губу, словно выдала что-то недопустимое.

Прошло столько лет с того дня, когда мне было пятнадцать и всё между нами пошло не так, как я надеялась. Мы научились прятать заботу за раздражением, тоску — за насмешками, а попытки приблизиться — за очередной ссорой. Мне было проще заметить свет в его окне

и придумать двадцать причин не смотреть туда, чем один раз признаться, что я ждала его возвращения.

Теперь предстояло научиться не ждать.

Я прислонилась лбом к двери. За тонким стеклом темнела лестничная клетка; где-то наверху, в нашей квартире, наверняка горел свет. Яра могла спросить, где меня носило. Я могла соврать, что гуляла, что всё нормально, что просто не успела спрятаться от дождя. А утром снова стать прежней Мирой — громкой, весёлой, дерзкой, с идеальными стрелками и готовой колкостью на любой случай.

Только кому я теперь скажу, выходя во двор: «Опять ты, Мажор?»

Долгое время ответ казался очевидным. Марк всегда возвращался. Но завтра у бордюра могло оказаться пусто. И на этот раз я знала почему.

ГЛАВА 1. Возвращение блудного Мажора

Я вышла из университета в таком хорошем настроении, что это казалось почти подозрительным, особенно для четверга, двух пар подряд и преподавателя, который искренне считал, будто выражение «это вы должны были знать ещё на первом курсе» способно каким-то магическим образом вложить необходимые знания в студенческие головы задним числом. Но сегодня меня не волновали ни преподаватели, ни предстоящие задания, ни даже тот факт, что дома, скорее всего, опять закончился кофе. Потому что мы сделали это. Наконец-то закончили минусовку моей новой песни, и я чувствовала себя человеком, который только что совершил небольшую музыкальную революцию. Остановившись на верхней ступеньке университетского крыльца, я пропустила мимо шумную компанию младшекурсников и ещё раз открыла переписку с Даней. Его последнее сообщение настолько точно отражало наше сотрудничество за последние недели, что я невольно усмехнулась.Даня: «Всё. Больше ничего не трогаем. Если завтра скажешь, что в третьем куплете тебе не нравится бас, я заблокирую тебя».Я задумчиво прикусила губу и быстро набрала ответ, заранее представляя выражение его лица.Я: «Он там действительно немного…»Три точки появились практически мгновенно, а следом на экране высветилось короткое, но очень эмоциональное сообщение.Даня: «МИРА».Я расхохоталась настолько громко, что несколько проходивших мимо студентов обернулись. Поймав недоумённый взгляд одной девушки, я приветливо улыбнулась ей и наконец решила проявить милосердие к своему музыкальному напарнику.Я: «Шучу. Всё идеально».Через секунду Даня прислал смайлик с угрозой убийства, и я, довольная произведённым впечатлением, убрала телефон. Моему музыкальному напарнику давно следовало вручить награду за терпение: за последние недели мы несколько раз ссорились из-за ударных, переписывали аранжировку и отказывались от решений, которые ещё вчера казались гениальными, а сегодня напоминали музыку из рекламы дешёвого шампуня. Теперь всё наконец сложилось. Строчки из заметок, ночные голосовые записи и мелодия, которую я без конца напевала перед зеркалом, превратились в песню — мою собственную. Я вставила наушники и включила последний файл. Первые аккорды смешались с шумом города, а я невольно замедлила шаг. Даня прав: больше ничего менять не стоит, во всяком случае сегодня. Ещё одной творческой дискуссии наши нервные системы попросту не переживут. Спрятав руки в карманы свободных голубых джинсов, я направилась к метро, слегка покачивая головой в такт музыке. На мне были белые кроссовки, короткий топ и лёгкая расстёгнутая рубашка, которую утром я накинула скорее по привычке, чем из-за погоды.Свои длинные густые волосы я заплела в две небрежные косы, хотя отдельные пряди уже успели выбиться и теперь щекотали щёки. Обычно я предпочитала подчёркивать плавный переход от тёмно-русых корней к светлым концам распущенными волосами, но сегодня почему-то захотелось чего-нибудь более простого и немного девчачьего. Правда, с такой причёской я выглядела моложе своих двадцати одного года, и где-то на задворках сознания немедленно прозвучало до боли знакомое обращение: «Мелкая». Я поморщилась и прибавила громкость. Нет уж, дорогая моя память, сегодня мы обойдёмся без этого. В конце концов, у меня прекрасный день, отличная песня и совершенно никаких причин портить настроение размышлениями об одном самоуверенном придурке.У каждого человека есть способ переживать неприятности. Кто-то прячется дома, кто-то ищет сочувствия у друзей, а кто-то покупает новые вещи, будто гардероб способен исправить всё остальное. Я обычно выбирала четвёртый вариант: красилась ярче, надевала самые заметные серьги и выходила к людям с таким видом, словно жизнь только что преподнесла мне невероятный подарок. У меня даже была собственная система аварийного освещения: чем темнее внутри, тем ярче фасад. Яра считала это вредной привычкой. Я называла её профессиональной подготовкой к большой сцене.С внешностью мне тоже повезло.

Выразительные зелёные глаза, аккуратный нос, пухлые губы и стройная фигура позволяли чувствовать себя уверенно практически в любой одежде, а лицо, которое Яра настойчиво называла красивым, я умела подчёркивать косметикой так, что даже самые придирчивые зеркала оставались довольны результатом. Вот только веснушки мне никогда особенно не нравились. Эти мелкие рыжеватые предательницы, разбросанные по переносице и щекам, упрямо появлялись каждый раз, когда я оставалась без косметики, поэтому искусством их маскировки я овладела практически в совершенстве. Яра, конечно, утверждала, что веснушки делают меня милой, но лично я считала слово «милая» крайне сомнительным комплиментом. Милыми бывают котята, плюшевые медведи и маленькие дети. А я, между прочим, будущая музыкальная звезда.На сцене мне нравилось всё: свет софитов, шум зала, волнение перед первой нотой и та удивительная секунда, когда люди затихают, чтобы послушать именно тебя. Я легко знакомилась, умела рассмешить самого угрюмого собеседника и почти никогда не терялась перед публикой. Со зрителями вообще всё честнее: они смотрят на тебя открыто, а ты знаешь, зачем вышла к ним. В обычной жизни куда сложнее выдержать взгляд одного конкретного человека. Я прибавила громкость и велела себе думать о новой песне, а не о Романове. Его Мажорское Величество удачно отсутствовало во дворе уже две недели. Две тихие недели без чёрного BMW под окнами, замечаний о моих поздних возвращениях и привычного ленивого «Куда собралась, Мелкая?». Прекрасная жизнь. Я была счастлива. Ну, почти. На третий день его отсутствия я заметила пустующее место у подъезда совершенно случайно. На пятый — по привычке. На восьмой просто возмутилась тем, как криво соседская «Лада» заняла парковку. На двенадцатый… Ладно, неважно.Я, разумеется, не собиралась его видеть. Пусть Романов занимается своей взрослой жизнью: работой, дорогими ресторанами и женщинами, которые уж точно не ходят в две косички в двадцать один год. У меня были университет, музыка и собственные планы. Когда в наушниках снова зазвучал припев, я невольно начала пританцовывать. К выходу из метро возле дома мне даже удалось не вспоминать Марка целых семь минут. Между прочим, рекорд.До дома оставалось несколько минут. Я шла знакомой улицей, беззвучно подпевая себе и не слишком переживая из-за взглядов прохожих. У арки собиралась включить минусовку ещё раз, но, шагнув во двор, остановилась так резко, что едва не потеряла равновесие. У бордюра стоял чёрный BMW — идеально вымытый, вызывающе дорогой и до отвращения знакомый. Несколько секунд я смотрела на него, надеясь, что ошиблась машиной. Разумеется, нет.— Да вы издеваетесь, — тихо пробормотала я, чувствуя, как всё моё замечательное настроение начинает стремительно менять направление.В наушниках продолжала играть моя песня, а вселенная, кажется, наслаждалась собственным отвратительным чувством юмора. Ещё недавно я убеждала себя, что без Романова живётся прекрасно, и вот она, возможность проверить эту теорию. Багажник BMW был открыт. Марк, пока не замечавший меня, доставал оттуда бумажные пакеты с продуктами. Я могла спокойно пройти мимо, не ускоряя шаг и не изображая заинтересованности. Прекрасный план. Разумный. Практически гениальный.Однако вместо того, чтобы воспользоваться этим планом, я зачем-то вытащила один наушник. В ту же секунду Марк захлопнул багажник и обернулся. Наши взгляды встретились, и я с досадой поняла, что двух недель недостаточно, чтобы научиться встречать его спокойно. Он выглядел почти как всегда: тёмные волосы немного отросли и падали на лоб, белая футболка подчёркивала широкие плечи, а лёгкая чёрная куртка делала его ещё самоувереннее. Или это мне хотелось так думать, чтобы легче было злиться.На запястье поблёскивали дорогие часы, голубые глаза смотрели прямо на меня, а уголок рта уже пополз вверх. Конечно. Знаменитая ухмылка Романова. Я мысленно приготовила ответную колкость: что-что, а проигрывать ему первую же перепалку после двух недель тишины я не собиралась.Я вынула второй наушник, спрятала оба в карман и улыбнулась ему той самой особенной улыбкой, которую обычно доставала исключительно для Романова: яркой, насмешливой и настолько уверенной, чтобы даже

случайный наблюдатель не заподозрил, насколько сильно меня взволновало его возвращение. Со стороны я должна была выглядеть так, будто его появление интересует меня примерно на том же уровне, что и расписание вывоза мусора.— Надо же, — протянула я, медленно оглядывая BMW с видом человека, обнаружившего необычайно занимательный экспонат, а затем перевела взгляд на его владельца. — Возвращение блудного Мажора.Марк поставил пакет на крышу машины и слегка склонил голову. Его ухмылка стала заметнее, но он не торопился нарушать паузу: очевидно, давал мне возможность первой высказать всё, что я так старательно готовила.— Соскучилась, Мелкая? — поинтересовался он с привычной ленцой, словно заранее знал, какую реакцию получит в ответ.Две недели его не было, а я всё равно почувствовала себя так, будто услышала это «Мелкая» только вчера. Пришлось срочно призвать на помощь театральный талант: приложить ладонь к груди и изобразить неподдельное изумление.— По тебе? — переспросила я, округлив глаза с таким неподдельным ужасом, будто он предложил нечто совершенно неприличное. — Не настолько всё плохо, Мажор. Но спасибо за беспокойство.Марк усмехнулся и перехватил пакет поудобнее. Судя по всему, моя реакция его нисколько не удивила.— Успокоился, — произнёс он невозмутимо, а затем скользнул взглядом по наушникам, которые я только что убрала. — Значит, праздника во дворе не было?Я приподняла бровь. Неужели ему действительно захотелось выяснить, как мы провели время без его величества?— Был, целых две недели, — совершенно серьёзно ответила я, пряча телефон в карман джинсов. — Шампанское, салют, оркестр. Тётя Люба плакала от счастья. Очень жаль, что ты пропустил.Марк едва заметно улыбнулся, но не дал мне насладиться победой.— Две недели праздновали?Вот зараза. Я сама выдала ему точный срок отсутствия, хотя собиралась сделать вид, будто даже не заметила, что его не было. Пришлось немедленно исправлять впечатление.— А сколько тебя не было? — лениво спросила я, переводя взгляд куда-то поверх его плеча. — Неделя? Месяц? У меня, знаешь ли, жизнь насыщенная. Не веду календарь твоих исчезновений.Марк задержал на мне взгляд. Я уже пожалела, что не прошла мимо, однако отступать теперь значило признать поражение.— Врёшь, — произнёс Романов тихо, с такой спокойной уверенностью, что мне мгновенно захотелось чем-нибудь его стукнуть.Я скрестила руки на груди, удерживая улыбку, которую внезапно стало трудно изображать.— Самоуверенность у тебя за время отсутствия точно не пострадала, — заметила я, слегка перенеся вес на одну ногу и демонстративно оглядев его с головы до ног. — Уже достижение.Он взглянул на мои скрещённые руки, потом снова на лицо, будто хотел добавить что-то ещё, но передумал.— А ты всё такая же.Я насторожилась: такие интонации редко предвещали очередную безобидную колкость.— Какая? — спросила я, стараясь не показать, насколько меня заинтересовал ответ.Романов не спешил с ответом. Его взгляд скользнул по моим косам, и я заранее приготовилась возмущаться.— Шумная.Я тихо рассмеялась, совершенно не собираясь позволять ему считать эту перепалку выигранной.— Какое разочарование. А я уже решила, что ты наконец заметил мою невероятную красоту.На мгновение он посмотрел на мои губы. Я могла бы сделать вид, что не заметила, но, разумеется, заметила — и сразу рассердилась на себя за интерес к такой мелочи.— Не льсти себе, Мелкая, — произнёс Марк уже немного суше, перехватывая пакеты поудобнее.Вот теперь всё снова стало на свои места, и я почувствовала почти благодарное облегчение.— Фух, — протянула я, театрально выдыхая и прикладывая ладонь к груди, будто только что избежала страшной опасности. — А то я бы не пережила такой резкой смены твоей личности.Мне стало спокойнее: знакомая язвительность хотя бы не требовала от нас откровенности.— Ты вообще многое переживаешь.Почему-то именно эти слова задели сильнее, чем все предыдущие подколы. Он произнёс их так уверенно, словно действительно знал, насколько легко мне даётся жизнь, и я почти разозлилась на него за это. Впрочем, откуда Романову знать, что происходит у меня внутри, если я сама годами делаю всё, чтобы никто об этом не догадался? Я улыбнулась ещё ярче и, решив наконец завершить разговор, сделала шаг к подъезду.

— Особенно твоё присутствие, — легко ответила я, позволяя себе напоследок очередную колкость. — Причём уже много лет. Удивительная живучесть.Мне даже удалось пройти мимо него, прежде чем за спиной раздался знакомый голос:— Мирослава.Я остановилась и медленно повернула голову, потому что полное имя из уст Марка всегда звучало иначе. Без привычной насмешки, без игры, почти как предупреждение, что сейчас он собирается сказать что-нибудь, от чего мне снова захочется спорить.— Что? — поинтересовалась я с подчёркнутым терпением, продолжая удерживать на лице улыбку.Марк стоял возле машины с пакетами в руках и смотрел на меня так серьёзно, словно собирался обсудить вопрос государственной важности.— Наушники, — коротко произнёс он, кивнув в сторону моего кармана.Я непонимающе нахмурилась, совершенно не представляя, какое отношение мои наушники имеют к нашему разговору.— Что наушники? — переспросила я, уже предчувствуя очередную лекцию.Он чуть повернул голову в сторону арки, откуда я несколько минут назад вышла.— Не ходи в них через дорогу. Ты ничего не слышишь.Я уставилась на него: после двух недель отсутствия он остановил меня только ради замечания о наушниках. Прижав ладонь к груди, я изобразила восхищение.— Господи, — выдохнула я, покачав головой. — Две недели отсутствовал и сразу вернулся с функцией родительского контроля. Я уже переживала, что ты потерял квалификацию.Марк слегка напряг челюсть, однако голос по-прежнему звучал спокойно.— Я серьёзно.— А я нет, — немедленно ответила я, всем своим видом демонстрируя, насколько очевидной считаю эту разницу.— Заметно, — произнёс он на выдохе, едва заметно покачав головой.Я окончательно развернулась к нему, решив, что подобная наглость заслуживает полноценного ответа.— Мажор, мне двадцать один, — напомнила я с терпеливой интонацией человека, вынужденного объяснять очевидное особенно трудному ученику. — Я умею переходить дорогу, пользоваться вилкой и даже иногда самостоятельно ложусь спать. Представляешь?Уголок его губ дрогнул, выдавая сдерживаемую улыбку.— Последнее особенно сомнительно.Вот теперь стало действительно интересно. Я прищурилась и чуть подалась вперёд, с удовольствием наблюдая за его реакцией.— Следил? Он напрягся, но спорить с моим тоном не стал.— Мечтай, — отозвался он, скользнув по мне спокойным взглядом.Я тихо рассмеялась, потому что именно такого ответа и ожидала. — Опять любимое слово.— Ты спросила, — напомнил Романов, слегка приподнимая бровь. — А ты нервничаешь, — с удовольствием заметила я, решив воспользоваться неожиданно удобной возможностью его подразнить.Я повернулась к нему всем корпусом: раз уж он решил воспитывать меня, следовало продемонстрировать, насколько безнадёжна эта затея.— Я?— Ты, — подтвердила я с самым сладким выражением лица и сделала полшага ближе. — У тебя вот здесь появляется эта маленькая складка.Я указала пальцем на его переносицу, почти касаясь кожи, но остановила руку в последний момент. Марк не отступил, хотя его взгляд стал заметно внимательнее.— Ты слишком долго на меня смотришь, если успела её изучить, — негромко произнёс он.Его губы дрогнули. Увы, скрыть улыбку он умел хуже, чем ему казалось. — Не льсти себе.Считая разговор благополучно завершённым, я уже собиралась направиться домой, когда Марк неожиданно задал вопрос, которого я никак не ожидала услышать.— Давно песню дописала?Я остановилась и посмотрела на него уже без улыбки. Про песню мы с ним, кажется, не говорили.— Чего? — переспросила я, внимательно рассматривая его лицо.Марк слегка кивнул на мой карман, где лежали наушники, и спокойно объяснил:— Ты шла и улыбалась как ненормальная. Значит, либо кого-то убила, либо что-то закончила.Я не сразу нашлась с ответом: он угадал то, чем я сегодня больше всего гордилась.— И ты сразу решил, что песню? — спросила я уже без прежней насмешки, чуть склонив голову.Марк пожал плечом, будто иной вывод и не приходил ему в голову.— Логично.Я уже не торопилась уходить. Любопытство оказалось сильнее обиды.— Откуда ты вообще знаешь, что я что-то писала? — спросила я, пристально наблюдая за его реакцией.Он отвёл глаза на секунду — достаточно, чтобы я заметила эту редкую заминку.— Ты не умеешь делать это тихо, —

ответил Марк после короткой паузы. — Иногда весь двор слышит, как ты по ночам один и тот же кусок гоняешь.Вот уж кого я не ожидала обнаружить среди слушателей своих ночных репетиций.— Ты подслушиваешь? — возмущённо поинтересовалась я, скрестив руки на груди.Марк посмотрел на меня с терпеливостью человека, объясняющего очевидное.— Ты поёшь у открытого окна.Я мгновенно поняла, как обратить его признание против него самого.— А ты, значит, сидишь напротив и страдаешь?— Иногда, — ответил он настолько ровно, что я даже не сразу поняла, серьёзно ли это прозвучало.Я округлила глаза, изображая оскорблённую певицу.— От моего голоса?Он позволил мне поволноваться за творческую самооценку ровно столько, сколько счёл нужным.— От одного и того же припева двадцать раз подряд.Я не удержалась от смеха.— Ничего ты не понимаешь в творческом процессе.— Слава богу, — сухо отозвался он, едва заметно усмехнувшись.— Зависть ужасное чувство, Мажор, — сообщила я с преувеличенным сочувствием.Марк покачал головой — и добил меня совершенно невинным тоном.— К твоим соседям — возможно.Я рассмеялась уже по-настоящему, забыв о необходимости удерживать на лице исключительно насмешливую улыбку. Романов тоже улыбнулся, и на несколько коротких мгновений между нами возникла та удивительная лёгкость, по которой я иногда скучала гораздо сильнее, чем готова была признать. Когда мы могли просто разговаривать, смеяться и дразнить друг друга, не пытаясь непременно причинить боль. Почти как когда-то, до того разговора, в котором Марк назвал меня слишком маленькой, а я в ответ решила доказать, что его мнение совершенно ничего для меня не значит. Я первой отвела взгляд, потому что воспоминания слишком быстро начали портить настроение.— Ладно, — произнесла я, поправляя сумку на плече и заставляя улыбку стать менее искренней. — Мне пора.Он тоже посерьёзнел. Лёгкость исчезла так неожиданно, будто мы оба вспомнили о том, чего не договаривались касаться.— Куда? — поинтересовался он прежде, чем я успела сделать шаг.Я обернулась. После неожиданно тёплого разговора привычное раздражение показалось почти спасением.— Домой, — сначала автоматически ответила я, а затем подозрительно прищурилась. — А что?Марк пожал плечом, оставив мне самой разбираться с его вопросом.— Ничего.Я тихо рассмеялась. Вот теперь всё снова становилось привычным.— Вот теперь всё нормально. Я уже начала бояться, что за две недели ты научился задавать вопросы по существу.Он поставил пакет на крышу BMW, хотя мы оба уже несколько раз пытались закончить разговор.— Ты сегодня слишком довольная, — заметил он, рассматривая меня внимательнее обычного.Я вскинула бровь. Моё хорошее настроение вдруг стало предметом его расследования.— Запрещено?Он чуть склонил голову, будто взвешивал, стоит ли произносить ответ.— Непривычно.Мне стало обидно. Значит, он замечал, когда я действительно счастлива, но принимал за обычное настроение всю мою привычную показную весёлость? Впрочем, кто, кроме меня, был в этом виноват?— Просто тебя две недели не было, — произнесла я с преувеличенной лёгкостью. — Организм восстановился.Марк перестал улыбаться и коротко кивнул.— Понятно.И вот это спокойное «понятно» почему-то оказалось гораздо неприятнее любой его привычной насмешки. Мне даже захотелось немедленно объяснить, что я просто пошутила, но гордость, разумеется, не позволила произнести ни слова. Пусть думает что хочет. Романов перехватил пакеты поудобнее и направился к дому бабушки, а я наконец повернулась к своему подъезду, чувствуя странное разочарование от того, что разговор действительно закончился. Всё правильно. Именно так и должно быть. Однако я успела пройти всего несколько шагов, когда за спиной вновь раздался его голос:— Кстати, Мелкая.Я остановилась. У него определённо имелся талант произносить это прозвище именно тогда, когда мне пора было уйти.— Что ещё? — спросила я с театральной усталостью.Марк смотрел на меня через плечо. На этот раз ни насмешки, ни привычного вызова в его лице не было.— Косички тебе идут.Я растерялась. Такое простое замечание от Романова прозвучало неожиданнее всех его колкостей за сегодняшний день. Я немедленно попыталась вернуть разговор в безопасное русло.— Осторожно, Мажор, — протянула я,

медленно приподнимая бровь и вновь вооружаясь насмешливой улыбкой. — Это почти похоже на комплимент. Ещё немного — и я решу, что ты соскучился.Марк повернулся ко мне, всё ещё держа пакеты. Между нами было несколько метров, но почему-то именно сейчас расстояние перестало казаться достаточным.— Не играй со мной, Мелкая, — произнёс он негромко, и из его голоса исчезли все привычные насмешливые нотки.От этой интонации стало не по себе. Я уже открыла рот для привычной колкости, однако слова нашлись не сразу.— А если всё-таки решу? — мягко спросила я, чуть склонив голову и внимательно наблюдая за его реакцией.Марк не ответил. Я отступила на полшага к подъезду и заставила себя усмехнуться, будто продолжала исключительно безобидную игру.— Проиграешь, Мажор, — почти весело сообщила я, после чего развернулась, не оставив ему возможности продолжить разговор.Я не оборачивалась до самого подъезда. Только за дверью остановилась, прислонилась к прохладной стене и наконец позволила себе выдохнуть.— Твою мать… — пробормотала я, закрывая глаза.Сердце колотилось, словно вместо короткого разговора я пробежала несколько лестничных пролётов. И ведь ничего особенного не произошло: Романов вернулся, принялся командовать и даже умудрился сказать что-то приятное. Вот только от этого «приятного» я едва не забыла собственное имя.— Ты можешь вести себя нормально хотя бы иногда? — тихо спросила я своё совершенно неуправляемое сердце.Я давно уже не пятнадцатилетняя девчонка, которую можно сбить с толку парой слов. У меня университет, музыка и планы, никак не связанные с этим самоуверенным человеком. Осталось убедить в том же собственное сердце.— Отлично, — тихо сообщила я отражению, поправляя выбившуюся прядь. — Мажор вернулся. Поздравляю.Оставшиеся ступеньки я преодолела с твёрдым намерением немедленно начать новую жизнь. Ну хорошо, хотя бы завтра. Я обязательно соглашусь на какое-нибудь приглашение, познакомлюсь с нормальным парнем и наконец перестану реагировать на человека, который продолжает видеть во мне девчонку из дома напротив. Можно даже выбраться куда-нибудь после репетиции. Даня несколько раз предлагал нашей компании провести вечер вместе, хотя сам он, разумеется, был исключительно другом и не подходил на роль спасителя моего эмоционального благополучия. Значит, найдём кого-нибудь другого. Красивого, взрослого, интересного, без идиотской ухмылки и отвратительной привычки называть меня Мелкой. Я найду себе парня, начну нормальную взрослую жизнь, а Марк Романов наконец займёт в ней положенное место старого знакомого. Хотя нет, даже не знакомого. Раздражающего соседа из дома напротив. Мажора, с которым мы когда-то выросли в одном дворе. Я открыла дверь квартиры и, снимая кроссовки, невольно усмехнулась собственным рассуждениям. Какая удивительная ирония: я столько времени пыталась убедить себя, что давно повзрослела, однако для человека, которого никак не удавалось вытолкнуть из собственного сердца, по-прежнему оставалась одним коротким словом. Мелкая. Девочка из дома напротив. Я выпрямилась, тряхнула косами и направилась в комнату, решительно запрещая себе продолжать эти бессмысленные размышления. Ничего страшного. Переживём. В конце концов, я всегда справлялась с собственными чувствами, даже если для этого приходилось улыбаться немного ярче обычного. А завтра снова проснусь, сделаю макияж, включу любимую музыку и буду смеяться так громко, что никто даже не подумает спросить, что у меня на душе. Потому что если Мажор действительно вернулся, ему необязательно знать, насколько сильно я этого ждала.POV МаркДве недели назад я решил больше не ездить во двор. У решения имелись все признаки здравого смысла, кроме одного: я ни разу не продержался достаточно долго, чтобы оно стало привычкой.Отец одобрял мою внезапную работоспособность, коллеги радовались, что я теперь лично проверяю едва ли не каждый документ. Работа занимала дни целиком, и это меня устраивало. По вечерам становилось сложнее: стоило закрыть глаза, как я видел Мирославу — её зелёные глаза, выбившиеся из причёски волосы и усмешку, неизменно предшествовавшую какой-нибудь гадости. Иногда почти слышалось протяжное «Ма-а-ажор». После такого хотелось снова открыть ноутбук и

заниматься отчётами до утра.Я умел улаживать споры с подрядчиками, вести переговоры и не терять самообладания даже на самых безнадёжных совещаниях. Но ни один из этих навыков не помогал, когда я вспоминал Соколовскую. Вероятнее всего, она прекрасно обходилась без наших перепалок: университет, музыка и друзья оставляли ей достаточно поводов для радости. В любой компании Мелкая умудрялась оказаться в центре внимания, не прилагая для этого заметных усилий.Впрочем, удивляться было нечему. Мирослава красива, но дело давно перестало быть только во внешности. Красивых женщин я встречал достаточно, а вот второго человека, способного одновременно довести меня до бешенства и рассмешить одним замечанием, — нет. Я пытался убедить себя, что очередное знакомство всё исправит. Опыт подсказывал: с недостатком женского внимания у меня проблем не было. Но стоило завязаться приятному разговору, как обнаруживалась новая причина вспомнить Мелкую.Самое нелепое, что Мирослава наверняка посмеялась бы, узнай она о моих попытках наладить личную жизнь. Её взгляд я представлял до досадного ясно: прищур, насмешка и непременное «Не льсти себе, Мажор». Я мог сколько угодно спорить с ней в воображении, но победить не получалось.Однажды вечером я застыл перед открытым письмом подрядчика. Текст был предельно понятным, однако на третьей строке я поймал себя на том, что вспоминаю, как Мелкая закатывает глаза, когда я начинаю умничать.— Да твою же мать, — пробормотал я и захлопнул ноутбук. В письме подрядчика уже десять минут не менялась ни одна строчка, зато в голове успели смениться три совершенно ненужных воспоминания.За стеклянной стеной кабинета коридор уже опустел. Был десятый час, а я по-прежнему прятался за работой от мыслей, с которыми не хотел оставаться наедине. Я снял пиджак со спинки кресла и решил, что пора возвращаться к обычной жизни. На десятый день своего добровольного изгнания согласился пойти со знакомыми в клуб. Шум, музыка и люди казались подходящим способом наконец отвлечься.В клубе ко мне подсела эффектная блондинка. Она оказалась приятной собеседницей: рассказывала о поездке в Италию, остроумно шутила, легко поддерживала разговор. Всё шло нормально, пока девушка не поправила волосы. Мирослава делала похожее движение, только после него непременно начинала сердиться на выбившиеся пряди. Я разозлился на себя: человек напротив ни в чём не виноват и уж точно не заслуживает сравнения с Соколовской. Но спустя несколько минут понял, что почти перестал слушать.— Ты меня вообще слушаешь? — спросила она с улыбкой, слегка подавшись ближе, чтобы её голос не терялся в громкой музыке.Я спокойно посмотрел ей в глаза, не позволив ни одной лишней эмоции отразиться на лице.— Слушаю, — ответил я настолько уверенно, что она немедленно расслабилась и продолжила рассказ.Мирослава не поверила бы. Посмотрела бы прямо в лицо, прищурилась и сказала: «Врёшь, Мажор». Я сделал глоток виски и мысленно выругался: даже здесь она умудрялась оставлять за собой последнее слово. Когда блондинка вернулась к подругам, рядом оказалась другая девушка — темноволосая, с карими глазами и уверенной улыбкой. Она шутила легко, не стараясь произвести особенное впечатление, и некоторое время мне действительно было хорошо с ней. Но стоило ей рассмеяться, как я снова вспомнил Миру: та смеялась громко, иногда запрокидывая голову, и совершенно не думала, как выглядит со стороны. Мы уехали вдвоём в гостиницу. К себе домой случайных знакомых я не приглашал, предпочитая оставлять квартиру собственным пространством. Девушка поцеловала меня первой; я ответил, обнял её за талию и попытался сосредоточиться на происходящем. Но, закрыв глаза, вдруг представил лицо Мирославы. Пришлось отстраниться на секунду, чтобы справиться с собой. Это было несправедливо по отношению к женщине рядом: она не могла знать, от кого я в действительности пытаюсь отвлечься. Вечер продолжился, однако сравнения не исчезли. Позже, когда моя спутница уснула, я лежал, глядя в потолок, и пытался понять, почему сам усложнил то, что должно было быть простым. Мне хотелось оказаться рядом не с очередной красивой девушкой, а с Мирославой. От этой мысли я не стал ни счастливее, ни увереннее. Только понял, что дальнейшие знакомства ничего не решат.— Романов, соберись,

— пробормотал я, осторожно выбираясь из постели.Самое неприятное было даже не в том, что я продолжал сравнивать других девушек с Мирославой. Я прекрасно понимал, насколько нелепо это занятие, но никак не мог заставить себя прекратить. И уж точно не собирался объяснять причину вслух. Прошло четыре дня.— И как, интересно, это работает? — спросил я у самого себя. Пакеты с продуктами в руках выглядели убедительным доказательством того, что моя независимость от этого двора продержалась недолго.Я стоял возле собственного BMW на парковке торгового центра и с таким раздражением смотрел на пакеты в руках, будто именно они были виноваты в том, что я снова нарушил данное себе обещание. Багажник был открыт, половина покупок уже лежала внутри, а оставшиеся продукты я собирался отвезти бабушке. Самое прекрасное заключалось в том, что она даже не просила меня приезжать. Утром мы разговаривали по телефону, бабушка между делом упомянула, что собирается в магазин, а я, не успев как следует подумать, добровольно предложил купить всё необходимое. И привезти. Лично. Через четыре дня после торжественного решения больше не появляться в знакомом дворе. Я поставил последние пакеты в багажник, захлопнул крышку и несколько секунд смотрел на своё отражение в затемнённом стекле. Высокий, спортивный, вполне прилично одетый мужчина с дорогими часами и внешностью, которую женщины почему-то находили привлекательной. Со стороны даже можно подумать, что у него всё в порядке с головой. Какая чудовищная ошибка.— Великолепно, Романов, — сообщил я собственному отражению в стекле BMW. Прохожий обернулся, и пришлось сделать вид, что я всего лишь проверяю телефон.Я, конечно, мог продолжать обманывать себя: бабушка действительно ждала продуктов. Но купил я их с той поспешностью, с какой обычно оправдывают решение, принятое гораздо раньше.На работе меня считали выдержанным человеком. Наверное, потому, что никто из сотрудников не видел меня после разговора с Мирославой — особенно если разговор заканчивался её торжествующей улыбкой.— Да, — коротко произнёс я, одной рукой придерживая руль и перестраиваясь в правый ряд.На заднем плане у друга слышались музыка и чьи-то голоса, поэтому я предположил, что он снова задержался на студии.— Ну и где ты сегодня? — поинтересовался Тим вместо приветствия, причём по его подозрительно спокойной интонации я сразу понял, что разговор уже доставляет ему удовольствие.Я посмотрел на навигатор, хотя прекрасно знал дорогу, и сухо ответил:— Еду.Тим выдержал короткую паузу, словно специально предоставляя мне возможность добровольно признаться в собственном идиотизме.— Опять во двор? — уточнил он с такой явной усмешкой в голосе, что я мысленно послал его куда подальше.Можно было солгать: сказать, что еду домой или на встречу. Но Тим слишком хорошо меня знал, а выдумывать объяснение человеку, который уже смеялся на другом конце провода, было бессмысленно.— Да, — ответил я после короткой паузы, убавляя звук музыки в машине. — К бабушке.На том конце раздался тихий смешок. — А я всегда говорил, что сёстры Соколовские обладают какой-то магией, — произнёс Тим с нарочито задумчивой интонацией. — Я со своей не справился. И у тебя не получится.Я остановился на красный свет и закатил глаза. Тим явно наслаждался моим положением.— Иди к чёрту, — посоветовал я с совершенно спокойным выражением лица, хотя прекрасно понимал, что друг сейчас наверняка улыбается.Друг рассмеялся, довольный тем, что сумел вывести меня из себя одним замечанием.— Не, теперь твоя очередь, — ответил он всё с той же насмешливой невозмутимостью. — И перестань мучить себя и окружающих. А то твоя драма затянулась лет на шесть.Я сильнее сжал руль. Ударил точно по больному — и ведь знал об этом.— А твоя длилась четыре года, — напомнил я, когда загорелся зелёный свет. — Недалеко ушёл.Тим ненадолго замолчал. Похоже, возразить было нечего.— Магия Соколовских, — философски заключил он. — Не иначе.Я всё-таки усмехнулся: при всех недостатках друг умел вовремя разрядить обстановку.— Отвали, звезда, — бросил я, сворачивая на знакомую улицу. — Уже, — весело отозвался друг, но затем его голос стал чуть серьёзнее. — Только Марк… По перемене голоса я понял, что сейчас последует совет, которого не просил.— Что?Тим

помолчал, но так и не решился продолжить.— Ничего, — спокойно ответил он.Я рассмеялся: Тим обожал издеваться, оставляя самое интересное недосказанным.— Вот и молчи.— Удачи, Мажор, — с нескрываемым удовольствием произнёс Тим и отключился прежде, чем я успел достойно ответить.Я посмотрел на погасший экран телефона, отложил его и покачал головой. — Придурок, — пробормотал я, невольно улыбаясь.Тим обязательно поплатится за это «Мажор». Особенно если выяснится, что он подцепил словечко у Мирославы. Хотя кого я обманываю — именно от неё он его и подцепил, а теперь, кажется, получал от этого отдельное удовольствие.Мирослава выглядела счастливой, словно сегодня с ней произошло что-то невероятно приятное. Она едва заметно двигалась в ритм музыки, беззвучно повторяла какие-то слова и даже не подозревала, какой бардак творится в голове у человека, стоящего в нескольких метрах от неё. Я заставил себя отвернуться и посмотреть на пакеты. Не пялься, Романов. Просто возьми продукты и иди к бабушке. Но стоило поднять голову, как наши взгляды встретились. Мирослава остановилась, вытащила наушники и улыбнулась своей особенной, совершенно наглой улыбкой, которую я узнавал из тысячи. Я привычно заставил лицо остаться спокойным, хотя внутри всё уже полыхало. Сейчас начнётся. И, блядь, как же я по этому скучал.У бабушки я задержался чуть больше часа. Помог разобрать продукты, заменил лампочку, выслушал новости о соседях. Между делом взгляд несколько раз сам собой возвращался к окну напротив. Бабушка заметила, но ничего не сказала; в этом молчании было достаточно такта, чтобы я почувствовал себя особенно глупо.За её столом я вспомнил сегодняшний смех Мирославы — настоящий, не тот, за которым она обычно прятала очередную колкость. Именно такие минуты и заставляли меня приезжать снова. Я привык считать, что Мелкая легко забывает наши ссоры, хотя понятия не имел, что происходит с ней, когда никто не смотрит. Возможно, моё равнодушие она понимала так же неверно, как я понимал её улыбки. Эта мысль оказалась неприятнее обычной ревности.Бабушка предложила ещё чаю, но я отказался: завтра обещало быть раннее утро. Я помог убрать со стола, обнял её на прощание и вышел, так и не придумав себе нового предлога задержаться.Во дворе похолодало. Я подошёл к BMW, положил ключи на багажник и поднял глаза к третьему этажу. В комнате Мирославы горел свет. При желании можно было приезжать к бабушке тогда, когда внучка Соколовских находилась в университете, — и перестать устраивать самому себе это бессмысленное ожидание. В освещённом окне на мгновение мелькнула тень. Я выпрямился быстрее, чем успел подумать, а затем сердито усмехнулся собственной реакции.— Всё, — негромко произнёс я, словно от произнесённых вслух слов решение должно было наконец стать настоящим. — Больше не вернусь.Я сел за руль, закрыл дверь и не сразу завёл двигатель. Перед глазами всё ещё стояла её улыбка. Ни одно из сегодняшних обещаний не изменит того, что следующая случайная встреча опять выбьет меня из колеи. Я это знал — и всё-таки хотел хотя бы попытаться.На третьем этаже по-прежнему горел свет. Я наконец выехал со двора, не оглядываясь. До следующего оправдания собственной слабости хотелось продержаться подольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.